

Павел Сорокин, Татьяна Попова

КАЧЕСТВО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА – ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ДЕСТРУКТУРАЦИИ

Обзор рассматривает «узкое» и «широкое» понимание «человеческого капитала» в контексте современных научных дискуссий, а также обсуждений в экспертном и политическом полях. Авторы выдвигают и обосновывают тезис о принципиальном качественном изменении социальной реальности последних десятилетий – набирающей темпы деструктуриации, анализируют вытекающие из данного процесса новые запросы к качеству человеческого капитала, а также вызовы для социальной политики. На примере ряда эмпирических иллюстраций, включая рост платформенной занятости, социальной напряженности и ускорение технологических циклов, показывается необходимость перехода к новому теоретическому пониманию связей между, с одной стороны, человеческим капиталом и, с другой стороны, поддержанием и формированием социальной устойчивости. Если для традиционных представлений о человеческом капитале социальная устойчивость выступает в качестве «экстерналии», то есть косвенного эффекта (по отношению к прямому результату в виде экономической отдачи), то в новых реалиях актуальным является иной подход. В ситуации, когда сила детерминирующего воздействия социальных структур на индивидуальное действие снижается, способность к инициативному формированию и поддержанию «социальной связности» выходит на первый план как с практической, так и с теоретической точки зрения. Это дает основания для рассмотрения указанной способности как элемента человеческого капитала применительно к современным реалиям. Концептуальной опорой при этом могут выступать идеи со-основателя теории человеческого капитала нобелевского лауреата Теодора Шульца о «предпринимательском элементе» человеческого капитала, который предполагает способность к проактивному действию в широком круге социальных контекстов, включая сферу образования, семейной жизни, а не только рынок труда. Перспективными представляются разработки социологов, в частности, Питирима Сорокина, в отношении понятия «солидарность» и связанных с ним концепций, признающих способность индивида к созданию новых социальных образований и общностей

Павел Сергеевич Сорокин – к.социол.н., доцент, ст.н.с., Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: psorokin@hse.ru

Татьяна Александровна Попова – стажер-исследователь, Лаборатория исследований человеческого потенциала и образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия. Электронная почта: taropova@hse.ru

не только «благодаря», но и «вопреки» доминирующим институциональным стимулам.

Ключевые слова: человеческий капитал, солидарность, социальная устойчивость, деструктуризация, трансформирующая агентность

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168

Вопрос о соотношении между «структурой» и «действием» является традиционным для социальной науки (Сорокин, Фруммин 2020). Суть этого вопроса в том, как соотносятся, с одной стороны, «естественные» закономерности развития социальной среды и, с другой стороны, целенаправленные усилия индивидов, которые, вероятно, могут эти структуры не только воспроизводить, но и трансформировать? Этот вопрос всегда актуален для практики, но в последние годы он вышел на первый план в международной экспертной повестке о развитии – в особенности в 2020 г., в условиях беспрецедентного кризиса, связанного с глобальной пандемией.

В 1950–60-х гг. разработана теория человеческого капитала (Becker 2009), которая во многом определила глобальную практику развития национальных систем образования и социальной политики в целом, исходя из предположения о том, что более высокий уровень формального образования населения – это базовое условие для позитивной социально-экономической динамики. В теории человеческого капитала, если интерпретировать ее с социологических позиций, «действие» (например, трудоустройство на работу или трудовая деятельность на рабочем месте) рассматривается как ответ на требования «структуры», т.е. рынка труда (Kuzminov et al. 2019). Однако последние годы характеризуются снижением темпов экономического роста и нестабильностью структур и институтов на фоне ускоряющегося технологического прогресса и рекордного охвата населения образованием (Сорокин, Фруммин 2020; Meyer 2010). Помимо прочего это создает угрозы для социальной сплоченности и повышает риски социальной напряженности.

Если отталкиваться от широкого понимания человеческого капитала (как всей совокупности потенциально формируемых характеристик человека, позволяющих ему быть успешным в конкретно-исторической реальности), то можно поставить вопрос о возможном выделении такого элемента человеческого капитала, который связан со способностями к формированию и поддержанию социальной сплоченности через инициативное индивидуальное действие в условиях высокой неопределенности и трансформации социальных структур. Таким образом, возникает проблема концептуальной совместимости понятий человеческого капитала и способности к действию, поддерживающему социальную сплоченность через укрепление существующих или создание новых социальных связей (как характеристики индивида). Для решения этой задачи предлагается

обратиться к социологическим разработкам, связанным с понятием солидарности. Настоящая работа носит постановочный характер и кратко очерчивает возможные подходы к решению указанной задачи, с акцентом на социологические дискуссии вокруг понятия «солидарности». Мы обосновываем преимущество подхода, признающего способность индивида к созданию новых социальных образований и общностей не только «благодаря», но и «вопреки» доминирующим институциональным стимулам (Sorokin 2020).

Теория человеческого капитала в «узком» смысле: основные идеи и трудности их эмпирического подтверждения

Ключевой вклад теории человеческого капитала в социально-экономическую науку состоит в том, что она смогла теоретически обосновать и эмпирически доказать, что быстрый экономический прогресс развитых стран в начале-середине XX столетия связан с существенным увеличением уровня образованности населения, который условно можно рассматривать как показатель «качества» рабочей силы (Капелюшников 2012). Социологические аргументы против такого подхода (и ортодоксального экономического взгляда на социальную реальность в целом) довольно популярны (Klees 2016; Tan 2014). Критика состоит в том, что теория человеческого капитала придает слишком большой вес индивидуальным характеристикам (прежде всего, формальному уровню образования) как движущей силе социально-экономического прогресса, игнорируя те барьеры на пути развития общества, которые связаны со структурами и институтами, неподвластными в существующей модели социальной организации индивидам, какими бы образованными они ни были. В подтверждение недостаточному вниманию теории человеческого капитала к структурным аспектам социально-экономической динамики (включая такие проблемы как неравенство и дискриминация) критики теории указывают на объективно наблюдаемое снижение корреляции между охватами высшим образованием и темпами экономического роста на глобальном и национальном уровнях (см., Kuzminov et al. 2019; Tan 2014).

Теория человеческого капитала в своей наиболее известной интерпретации рассматривает основную задачу образования как реактивное действие в ответ на запрос рынка труда (Becker 2009). Иными словами, образование понимается как «структура», формирующая потенциал «действия» для более широкого структурного контекста в строгом соответствии с его запросами и практически без задачи по его содержательной трансформации (Kuzminov et al. 2019).

Эта теория имеет важное значение для дискуссии не только о факторах экономического роста, но и о социальной устойчивости. Дело в том, что согласно классическим формулировкам, вклад в социальную

устойчивость рассматривается как одна из ключевых «экстерналий» человеческого капитала (Becker 2009). Например, «прямой» эффект для страны от того, что население имеет высокий уровень образования (а значит и востребованные на рынке навыки) в том, что это население будет более успешно в трудовой деятельности, а, следовательно, будет ускоряться и рост национальной экономики. «Косвенный» же эффект состоит в том, что образованные люди более склонны доверять друг другу, реже совершают преступления и т.п. Они так же, как ожидается, более склонны участвовать в волонтерстве и благотворительности, чаще участвуют в выборах (Thönnessen, Gundlach 2013). На этом фоне проблемой является отсутствие выраженной позитивной корреляции охвата высшим образованием на глобальном уровне с такой теоретически ожидаемой экстерналией человеческого капитала, как легитимность государства (см., Sorokin, Froumin 2022).

Человеческий капитал в «широком» смысле: человек как главный фактор позитивной общественной динамики

Употребление понятия человеческий капитал в существенной степени выходит за пределы узко экономического понимания (как совокупности характеристик, положительно влияющих на заработную плату и производительность человека) и применяется, скорее, как метафора. Например, определение ОЭСР звучит следующим образом: «Человеческий капитал – знания, навыки, умения и способности, воплощенные в людях, которые позволяют им создавать личное, социальное и экономическое благосостояние» (OECD 2001). Сам факт упоминания сначала социального, а потом экономического благополучия в данном определении указывает на самостоятельную ценность вклада человеческого капитала в иные блага, помимо исключительно экономических.

Широкое толкование человеческого капитала в экспертном поле естественно на фоне того идеологического значения, которое имеет данная теория (Klees 2016). Анализ литературы показывает, что в значительной части современного экспертного и академического дискурса под рамкой человеческого капитала понимается вся совокупность индивидуальных характеристик, которые позволяют человеку быть успешным в экономическом и более широком социальном понимании, что тем самым помогает и росту благосостояния на агрегированном уровне (Tan 2014). Критики данной теории, включая противников неоллиберализма (Türken et al. 2016), утверждают принципиальную недостаточность человеческого капитала для понимания реальных факторов социально-экономического развития (Klees 2016; Любимов 2017).

Обобщая современную критику, можно выдвинуть два тезиса. Во-первых, человеческий капитал, как продукт инвестиций индивида

в собственное развитие не в состоянии внести существенный вклад в позитивную трансформацию на макро институциональном уровне. Во-вторых, логика человеческого капитала, в силу своей опоры на принципы индивидуализма, принципиально противоречит логике «солидарности». При этом «солидарность» понимается как продукт коллективного действия, предполагающий наличие сильных институтов нерыночного типа.

С учетом критических дискуссий вокруг концепции человеческого капитала, ниже мы рассматриваем современные тренды «деструктуризации» (Сорокин, Фруммин 2020), актуализирующие новые запросы к человеческому капиталу, ответ на которые может стать важным шагом как в практическом, так и в теоретическом смысле. Прежде всего, речь идет об особом значении способностей к проактивному формированию социальных связей для успеха в ситуации структурной неустойчивости.

Одним из оснований предлагаемого нами подхода выступают идеи со-основателя теории человеческого капитала Теодора Шульца (Schultz 1975) о так называемом «предпринимательском элементе» человеческого капитала, высказанные еще в 1970-е гг., но недостаточно интегрированные в мировой научный мейнстрим. В Нобелевской лекции от 8 декабря 1978 г. он подчеркнул, что теоретически выделенные им «аллокативные» (предпринимательские) способности имеют важное значение не только на рынке труда, но и в домашнем хозяйстве, а также при принятии решений относительно образовательной траектории. Шульц утверждает:

человеческий капитал служит росту производительности труда и предпринимательских способностей (*entrepreneurial abilities или allocative abilities*). Эти способности ценны в сельскохозяйственном, несельскохозяйственном и в домашнем производстве, в распределении времени и других ресурсов, которые студенты вкладывают в свое образование. Они также играют важную роль в поиске лучших рабочих мест и мест для проживания (Schultz 1978).

Особенность подхода Шульца в сравнении с трактовкой человеческого капитала Беккером состоит в отказе от представления о том, что человеческий капитал автоматически реагирует на изменения в среде, единообразно подчиняясь «невидимой руке» рынка.

Вызовы человеческому капиталу

Многочисленные экспертные доклады и академические статьи показывают данные о том, что структуры, системообразующие для социальной организации современного общества, видоизменяются (и зачастую распадаются) значительно быстрее, чем раньше. В качестве примеров приводятся такие явления, как рост числа и доли фрилансеров и повышение спроса на навыки гибкости и адаптивности в профессиональной деятельности (World Economic Forum 2018; Ильин 2015), снижение устойчивости институтов семьи и брака

и падение авторитетов правительств (OECD 2020). Неслучайно, помимо характерного для прошлых десятилетий акцента на поддержке крупного бизнеса, в государственной политике провозглашаются новые приоритеты. Например, в России на высшем политическом уровне поставлена задача массового обучения и поддержки самозанятых, численность которых, как ожидается, должна достигнуть десятков миллионов человек, а в США фрилансеры могут составить основную часть рабочей силы уже в ближайшие годы (см., Kuzminov et al. 2019). Мир самозанятых, предпринимателей и фрилансеров – принципиально иной, чем мир бюрократически упорядоченного крупного бизнеса, характерный для XX в.

Ускорение технологических циклов требует от организаций открытости к инновациям и толерантности не только к риску, но и к провалу, а от сотрудников – постоянного развития с точки зрения не только конкретных узкопрофессиональных компетенций, но и так называемых «мягких» навыков (Kuzminov et al. 2019). Согласно критикам концепции неолиберализма, человек становится «автономным, индивидуализированным, самоуправляемым агентом принятия решений, а также хозяином и трансформатором самого себя» (Türken et al. 2016: 33), что разрушает солидарность.

В условиях повышенных темпов социальных изменений, проблема солидарности, устойчивости и сплоченности особенно важна. Так, по данным ОЭСР (OECD 2019), только 43,4% населения доверяет своим правительствам. Согласно статистике того же источника, межличностное доверие также невысоко: соответствующий индекс в таких странах, как Франция, Германия и Великобритания равен 5.0, 5.5 и 6.1 из 10 баллов соответственно.

Проблема неустойчивости особенно остро встает в условиях пандемии коронавируса. Эксперты МВФ утверждают, что рецессия вследствие коронавируса имеет разрушительные последствия для экономики, соизмеримые с тем, что было во время Великой депрессии в США 1930-х гг. Около 81% рабочей силы или 3,3 млрд людей во всем мире могут оказаться без работы из-за эпидемии коронавируса (BBC News 2020).

Приведенные данные демонстрируют кризис социальной устойчивости, на фоне растущих угроз для экономического роста и социальной политики. Несмотря на рост охвата высшим образованием, ни экономика, ни социальная сфера на данный момент не могут ответить на новые вызовы. Это доказывает теоретическую и практическую актуальность рассмотрения вопроса о тех характеристиках личности, которые напрямую вносят вклад в социальную устойчивость и потому могут считаться элементами человеческого капитала XXI в., однако пока остаются за пределами внимания в системах образования. Среди них важное место может занимать способность к солидарному взаимодействию как возможный элемент человеческого капитала для успеха в новых глобальных реалиях.

Проблемы и перспективы интеграции социологической концепции «солидарности» в рамку человеческого капитала

Единого определения понятия солидарности в современной социологии не существует (Jeffries et al. 2006). Вместе с тем исследователи признают, что солидарность – это неотъемлемый элемент общественного устройства, формирующий и поддерживающий социальную стабильность и устойчивость (Schiefer, Van der Noll 2017). Обращаясь к работам Питирима Сорокина, мы можем предположить, что в наиболее обобщенном виде под солидарностью следует понимать такое свойство общества в целом, отдельной социальной группы или даже отдельного человека, которое описывает способность к взаимовыгодному взаимодействию на межличностном уровне как внутри одной группы, так и между представителями различных групп (Sorokin 2002; 1950). Под взаимовыгодным взаимодействием имеется в виду не только поведение в соответствии с моделями рационального действия, рассматриваемыми в экономике, но также неэгоистические формы поведения (включая альтруизм), ориентированные на нематериальные ценности (Widegren 1997).

Новым шагом в развитии исследований человеческого капитала может стать изучение «способности к инициативному солидарному взаимодействию» – как отдельной части человеческого капитала. При этом особое значение приобретает вопрос о факторах, способствующих переводу агентности в продуктивное взаимодействие, в социальный альтруизм, а не эгоизм (Sorokin, Froumin 2022). Обзор современных исследований позволяет предположить, что в основании предлагаемого конструкта и связанного с ним направления исследований могут лежать два отдельных принципа – (трансформирующая) агентность и солидарность (Сорокин, Фрумин 2020).

В социологии принято считать, что агентность – это активная способность индивида создавать структуры и изменять социальную среду, улучшая свои позиции. В отличие от «ориентированной-на-себя» агентности, солидарность всегда направлена на другого, социальную группу или общество в целом. В социологической литературе, в том числе в традиции заданной Эмилем Дюркгеймом, солидарность рассматривалась как сила, которая подпитывает структуры, а не изменяет их. Таким образом, понятия «агентности» и «солидарности» могут показаться эпистемологически противоречащими друг другу. Такой взгляд был бы верным для ситуации XIX и даже большей части XX вв., но для последних десятилетий, можно предположить, он утрачивает актуальность: ввиду деструктуризации именно активность человека (а не «автоматическое» функционирование и развитие хорошо отлаженных институтов) становится ядром не только создания новых социальных форм, но и поддержания систем и подсистем

общества, необходимых для обеспечения базовой социальной связности. В этом контексте ценными представляются идеи Сорокина о том, что солидарность формируется и развивается в существенной степени на микроуровне – через межличностное взаимодействие. В частности, Сорокин вводит понятие «интегрального лидерства», предполагающее создание новых социальных образований и общностей не только «благодаря», но и «вопреки» доминирующим институциональным стимулам (Sorokin 2020). Идеи Сорокина выступают яркой альтернативой традиции, заданной Дюркгеймом, с характерным для нее вниманием к структурному принуждению «сверху-вниз».

Заключение

Мировые тенденции социально-экономического развития не демонстрируют позитивной динамики. В существенной степени это связано с деструктуризацией, означающей резкий рост изменчивости социальных структур. В свете указанных тенденций особую актуальность приобретает трактовка концепции человеческого капитала в «широком» смысле, которая акцентирует важность не только экономических, но и социальных «эффектов». В частности, деструктуризация актуализирует важность способности к проактивному индивидуальному солидарному действию, создающему социальную «связность» не только «благодаря», но и «вопреки» наблюдаемой институциональной динамике. Постепенное возвращение понятия «солидарность» в русло мейнстрима социальных наук косвенно свидетельствует о признании научным сообществом важности данного конструкта в современную эпоху.

Фокус теории человеческого капитала на отдельном индивиде хорошо соответствует реалиям повышенной социальной изменчивости, когда особенно важным агентом изменений постепенно становится не структура, а человек. Дискуссия о новом элементе человеческого капитала, связанным со способностью к солидарному взаимодействию, может способствовать решению как концептуальных, так и практических задач в ответ на растущий дефицит социальной сплоченности и связанные с ним вызовы социальной политики. В этой дискуссии требуется усиление междисциплинарного диалога между социологами и экономистами, основания для которого можно найти в концептуальных разработках, с одной стороны, относительно «предпринимательского элемента» человеческого капитала в трудах Шульца и, с другой стороны, в социологических разработках в отношении концепта солидарности и агентности.

Выражение признательности

Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта Министерство науки и высшего образования Российской Федерации (№ соглашения о предоставлении гранта: 075–15–2020–928).

Материалы для анализа

BBC News (2020) *Coronavirus: Four out of Five People's Jobs Hit by Pandemic*. Available at: <https://www.bbc.com/news/business-52199888> (accessed 25 September 2020).

OECD (2001) *The Well-Being of Nations: The Role of Human and Social Capital. Education and Skills*. Available at: <http://www.oecd.org/site/worldforum/33703702.pdf> (accessed 25 September 2020).

OECD (2019) *Trust in Government*. Available at: <https://www.oecd.org/gov/trust-in-government.htm> (accessed 25 September 2020).

OECD (2020) *How's Life 2020: Measuring Well-being*. Available at: <http://www.oecd.org/statistics/how-s-life-23089679.htm> (accessed 25 September 2020).

World Economic Forum (2018) *The Future of Jobs Report 2018*. Available at: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2018> (accessed 25 September 2020).

Список источников

Ильин В. И. (2015) Профессия как индивидуальная жизненная колея: концептуализация категории. *Журнал исследований социальной политики*, 13 (4): 515–528.

Капелюшников Р. И. (2012) *Сколько стоит человеческий капитал России*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Любимов И. Л. (2017) От человеческого капитала к экономическому росту: прямая дорога или долгое блуждание по лабиринту? *Вопросы экономики*, (8): 5–23.

Сорокин П. С., Фруммин И. Д. (2020) Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки. *Социологические исследования*, (7): 27–36.

Becker G. S. (2009) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago press.

Jeffries V., Johnston B. V., Nichols L. T., Oliner S. P., Tiryakian E., Weinstein J. (2006) Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization. *The American Sociologist*, 37 (3): 67–83.

Klees S. J. (2016) Human Capital and Rates of Return: Brilliant Ideas or Ideological Dead Ends? *Comparative Education Review*, 60 (4): 644–672.

Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*, 13 (2): 19–41.

Meyer J. W. (2010) World Society, Institutional Theories, and the Actor. *Annual Review of Sociology*, (36): 1–20.

Schiefer D., Van der Noll J. (2017) The Essentials of Social Cohesion: A Literature Review. *Social Indicators Research*, 132 (2): 579–603.

- Schultz T. W. (1975) The Value of the Ability to Deal with Disequilibria. *Journal of Economic Literature*, 13 (3): 827–846.
- Schultz T. W. (1978) *Prize Lecture*. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1979/schultz/lecture/> (accessed 25 September 2020).
- Sorokin P. A. (1950) *Altruistic Love: A Study of American 'Good Neighbors' and Christian Saints*. Boston: Beacon Press.
- Sorokin P. A. (2002) *The Ways and Power of love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia: Templeton foundation press.
- Sorokin P. S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: 'Otherhood' through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*, 51 (4): 506–525.
- Sorokin P. S., Froumin I. D. (2022) 'Utility' of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas. *Policy Futures in Education*, 20 (2): 671–689.
- Tan E. (2014) Human Capital Theory: A Holistic Criticism. *Review of Educational Research*, 84 (3): 411–445.
- Thönnessen R., Gundlach E. (2013) The Size of Human Capital Externalities: Cross-country Evidence. *Public Choice*, 157 (3–4): 671–689.
- Türken S., Nafstad H. E., Blakar R. M., Roen K. (2016) Making Sense of Neoliberal Subjectivity: A Discourse Analysis of Media Language on Self-Development. *Globalizations*, 13 (1): 32–46.
- Widgren Ö. (1997) Social Solidarity and Social Exchange. *Sociology*, 31 (4): 755–771.

Pavel Sorokin, Tatyana Popova

HUMAN CAPITAL QUALITIES IN RESPONDING TO CHALLENGES FOR SOCIAL POLICY IN THE CONTEXT OF DE-STRUCTURATION

This article analyses 'broad' and 'narrow' approaches to comprehending the 'human capital' concept in the context of contemporary academic discussions as well as expert and policy debates. Based on sociological conceptual framework, we put forward a claim concerning the principal qualitative transformation in the societal reality in the recent decades – the so-called de-structuration, and analyse subsequent demands for the human capital and challenges related to social policy. By referring to several empirical illustrations, including rise of platform employment, social unrest and accelerating rates of technological cycles, we suggest the novel approach to understanding the links between the human capital and social cohesion. Traditional approaches to human capital tend to consider the latter as an 'externality' (not a direct effect, which is ultimately of economic nature), while the processes of de-structuration call for a different approach. In the situation when the determination power by structures upon individual agency is decreasing the ability to proactively form and support 'social cohesion' comes to the forefront from both practical and theoretical perspectives. This allows the comprehension of the mentioned ability as an element of human capital under current conditions. Conceptual grounds for such approach may be found in Theodore Schultz's ideas about the 'entrepreneurial element' of human capital, which implies proactive behaviour in a broad variety of societal contexts. Elaborations of sociologists in regard to the 'solidarity' concept and the related theories including Pitirim Sorokin's intellectual heritage (admitting the individual capacity to create new social communities against the dominating institutional stimuli) can also be relevant.

Key words: human capital, solidarity, social cohesion, de-structuration, transformative agency

DOI: 10.17323/727-0634-2022-20-1-157-168

References

Becker G. S. (2009) *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis, with Special Reference to Education*. Chicago: University of Chicago press.

Pavel Sorokin – Cand. Sci. (Sociol.), Senior Research Fellow, Laboratory for Human Potential and Education Research, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: psorokin@hse.ru

Tatyana Popova – Intern-researcher, Laboratory for Human Potential and Education Research, HSE University, Moscow, Russian Federation. Email: tapopova@hse.ru

- Il'in V.I. (2015) Professiya kak individual'naya zhiznennaya koleya: konceptualizaciya kategorii [The Profession as an Individual Life Path Dependency: A Conceptualization of the Category]. *Zhurnal Issledovaniy Sotsial'noi Politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 13 (4): 515–528.
- Jeffries V., Johnston B. V., Nichols L. T., Oliner S. P., Tiryakian E., Weinstein J. (2006) Altruism and Social Solidarity: Envisioning a Field of Specialization. *The American Sociologist*, 37 (3): 67–83.
- Kapeliushnikov R. (2012) Skol'ko stoit chelovecheskij kapital Rossii [Russia's Human Capital: What is Its Value?]. Moscow: HSE.
- Klees S. J. (2016) Human Capital and Rates of Return: Brilliant Ideas or Ideological Dead Ends? *Comparative Education Review*, 60 (4): 644–672.
- Kuzminov Ya., Sorokin P., Froumin I. (2019) Generic and Specific Skills as Components of Human Capital: New Challenges for Education Theory and Practice. *Foresight and STI Governance*, 13 (2): 19–41.
- Lyubimov I. L. (2017) Ot chelovecheskogo kapitala k ekonomicheskomu rostu: pryamaya doroga ili dolgoe bluzhdanie po labirintu? [Path from Human Capital to Economic Growth: A Free Highway or a Complicated Labyrinth?]. *Voprosy Ekonomiki*, (8): 5–23.
- Meyer J. W. (2010) World Society, Institutional Theories, and the Actor. *Annual Review of Sociology*, (36): 1–20.
- Schiefer D., Van der Noll J. (2017) The Essentials of Social Cohesion: A Literature Review. *Social Indicators Research*, 132 (2): 579–603.
- Schultz T. W. (1975) The Value of the Ability to Deal with Disequilibria. *Journal of Economic Literature*, 13 (3): 827–846.
- Schultz T. W. (1978) *Prize Lecture*. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/economic-sciences/1979/schultz/lecture/> (accessed 25 September 2020).
- Sorokin P. A. (1950) *Altruistic Love: A Study of American 'Good Neighbors' and Christian Saints*. Boston: Beacon Press.
- Sorokin P. A. (2002) *The Ways and Power of Love: Types, Factors, and Techniques of Moral Transformation*. Philadelphia: Templeton foundation press.
- Sorokin P. S. (2020) The Promise of John W. Meyer's World Society Theory: 'Otherhood' Through the Prism of Pitirim A. Sorokin's Integralism. *The American Sociologist*, 51 (4): 506–525.
- Sorokin P. S., Froumin I. D. (2020) Problema 'struktura/dejstvie' v XXI v.: izmeneniya v social'noj real'nosti i vyvody dlya issledovatel'skoj povestki ['Structure/Agency' Problem in the 21st Century: Changing Social Reality and Research Implications]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. [Sociological Studies], (7): 27–36.
- Sorokin P. S., Froumin I. D. (2022) 'Utility' of Education and the Role of Transformative Agency: Policy Challenges and Agendas. *Policy Futures in Education*, 20 (2): 671–689.
- Tan E. (2014) Human Capital Theory: A Holistic Criticism. *Review of Educational Research*, 84 (3): 411–445.
- Thönnessen R., Gundlach E. (2013) The Size of Human Capital Externalities: Cross-country Evidence. *Public Choice*, 157 (3–4): 671–689.
- Türken S., Nafstad H. E., Blakar R. M., Roen K. (2016) Making Sense of Neoliberal Subjectivity: A Discourse Analysis of Media Language on Self-Development. *Globalizations*, 13 (1): 32–46.
- Widgren Ö. (1997) Social Solidarity and Social Exchange. *Sociology*, 31 (4): 755–771.